

И.А.Матвеев

ГИБРИДНАЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ: ГОСУДАРСТВО, ЛЕГИТИМНОСТЬ И НЕОЛИБЕРАЛИЗМ В ПУТИНСКОЙ РОССИИ

Ключевые слова: неолиберализм, неопатримониализм, легитимность, реформы

Введение

Со второй половины 2000-х годов российское государство все более активно действовало как в экономике, так и в социальной сфере. Компании с государственным участием наращивали активы; возникли госкорпорации, охватывающие целые отрасли¹. Значительные средства были выделены на приоритетные национальные проекты и новые универсалистские меры социальной поддержки, такие как материнский капитал. В 2010-х годах к этому прибавились «майские указы» Владимира Путина, предполагающие рост государственных расходов сразу по нескольким направлениям, в частности быстрое повышение зарплат работникам бюджетного сектора. Наконец, в последний год в связи с западными санкциями и российскими контрсанкциями зашла речь об «импортозамещении» — политике, казалось бы, оставшейся в 1960-х годах, когда латиноамериканские правительства проводили в жизнь «импортозамещающую индустриализацию»². Означает ли это, что Россия стала постнеолиберальной страной, отказавшейся от всего комплекса неолиберальных мер, включая открытие границ для движения товаров и капитала, монетаристскую финансовую политику и бюджетную экономию, переход государства от прямого участия в экономике к дистанционному (arm's length) регулированию и поощрению конкуренции, а также передачу целого ряда административных и социальных функций государства частным акторам³? В чем специфика российского неолиберализма и что определяет его модификации? Каковы внутренние пружины меняющегося экономического и социального курса? В настоящей статье я рассматриваю в качестве таких пружин динамику государственного строительства (state-building) и трансформации доминирующих форм легитимности режима. На мой взгляд, историко-социологическая литература, посвященная постсоветскому российскому государству и его особенностям, в том числе его неопатримониальному характеру, а также исследования стратегий легитимации режима позволяют объяснить причудливую траекторию российских реформ и те фазы, которые проходил неолиберализм в России.

¹ Радыгин и др. 2011.

² Baer 1972.

³ Cerny 2010.

В качестве общей теоретической рамки я использую концепцию *неолиберализации*, под которой понимается глобальный процесс изменения сложившихся форм регулирования экономики с приданием рынку дисциплинирующей роли⁴. Этот процесс следует отличать от экономической и финансовой *глобализации*, при которой возрастает роль международного движения товаров и капитала; скорее речь идет о глобальном распространении специфического ответа на новые условия, создаваемые глобализацией, — ответа, заключающегося в изменении государственной политики на базе различных рыночных решений⁵.

⁴ См. Peck 2010.

⁵ Fourcade-Gourinchas, Babb 2002.

Распространение новых форм рыночного регулирования имеет свою историю и свои движущие силы, прежде всего в лице международных финансовых институтов, но в различных контекстах оно проходит по-разному. Неолиберализация носит *неравномерный* и *гибридный* характер, поскольку сталкивается со сложившимися формами регулирования, структурными особенностями экономики и различными политическими обстоятельствами, которые, в свою очередь, оказывают влияние на проекты неолиберальных преобразований и придают им конкретные очертания, формирующие местный «реальный неолиберализм»⁶.

⁶ Peck 2010; Springer 2011.

Концепция неолиберализации обладает важными преимуществами, так как она не сводит местные процессы к одной логике, будь то логика авторитарного «навязывания» неолиберальных решений международными институтами или же, наоборот, логика «искажения» или «срыва» универсального и единого для всех стран процесса модернизации в силу местных особенностей. Да, динамика реформ в России, как я постараюсь показать ниже, обусловлена скорее внутренними причинами, однако внешние факторы — господствующая парадигма экономического регулирования (неолиберализм), шоки глобальных кризисов, динамика цен на сырье — создают возможности для развертывания различных элитных стратегий и влияют на государственный курс.

Процесс неолиберализации определяется множеством факторов, связанных между собой. В этой статье я не смогу уделить достаточное внимание каждому из них. Так, я практически не буду касаться материальных особенностей российской экономики и социальной сферы, этого советского наследия, подчас полностью задающего судьбу реформ⁷. Останутся за пределами моего анализа и внешнеполитические факторы. Из всего спектра неолиберальных преобразований я в основном буду рассматривать приватизацию и социальные реформы. В первой части статьи я продемонстрирую, как динамика ослабления государства при Борисе Ельцине, а затем его «усиления» при Путине влияла на процесс приватизации и (ре)национализации, во второй — как широкая, плебисцитарная легитимность Путина, в которой есть элемент социального популизма, сочеталась с курсом на ускорение неолиберальных реформ в социальной сфере. В целом некоторые реформы в путинской России наталкиваются на *сопротивление*, некоторые — претерпевают *трансформацию*, что позволяет говорить не столько о полном разры-

⁷ Collier 2011.

ве с неолиберальным курсом, сколько о специфической местной версии «реального неолиберализма».

**Государство:
приватизация,
(ре)национализация
и динамика нео-
патримониализма**

Многочисленные работы, посвященные «демократическому транзиту», критиковались за то, что они пытались вписать сложные местные процессы в постсоциалистических странах, в частности процессы государственного строительства, в единый нарратив перехода к демократии⁸. Тот же изъян, впрочем, порой присущ и исследованиям противоположной идеологической направленности, вписывающим местные процессы в нарратив навязывания неолиберализма в интересах Запада⁹. Накопленных данных о динамике постсоветского государственного строительства, на мой взгляд, вполне достаточно, чтобы преодолеть этот недостаток и представить более точную картину неолиберальных реформ в России.

⁸ Taylor 2011; Cappelli 2008.

⁹ См., напр. Gowan 1995.

Сейчас, спустя годы, ясно, что «спонтанные» приватизации конца 1980-х годов и регулируемая массовая приватизация начала-середины 1990-х годов были этапами одного процесса — процесса присвоения государственной собственности советскими элитами и агентами теневого сектора¹⁰. Противоречия плановой экономики, а также идеологическая эрозия, утрата партией своей «боевой задачи»¹¹ привели к росту неформальных отношений патримониального типа в рамках советской системы хозяйства и параллельному росту теневой экономики в позднем СССР. Так были посеяны семена дальнейшего разрушения государства, которые проросли, когда Михаил Горбачев ослабил партийный контроль над государственным аппаратом в ходе перестройки. Реформы Горбачева запустили доминирующий проект постсоветских элит — проект «экстракции ресурсов государства» (extraction from the state)¹².

¹⁰ Kotz, Weir 2007; Dzarasov 2013.

¹¹ Jowitt 1983.

¹² Ganev 2005.

Этот проект в конечном счете и определил характер неолиберализации в 1990-е годы, в частности то, что иностранный капитал и в еще большей степени российское население были отстранены от распределения собственности. Западная поддержка неолиберальной «шоковой терапии», несомненно, создала дополнительные условия для того, чтобы борьба за собственность в России приняла именно те формы, которые она приняла в 1990-е годы, но сама по себе она не была причиной и движущей силой тех процессов, которые происходили в государстве и в экономике. Причину следует искать не в неолиберальной идеологии как таковой, а в доминирующем проекте элит.

По замечанию Венелина Ганева, для постсоветских стран характерно своего рода «государственное строительство наоборот»: если, согласно Чарльзу Тилли, в Новое время элиты принудительно централизовали ресурсы в государстве, содействуя его усилению, то постсоветские элиты, напротив, присваивали ресурсы государства, способствуя его ослаблению. Ключевой вывод Ганева состоит в том, что ослабление государства — неизбежное следствие доминирующего проекта постсоветских элит, а экономические «победители», то есть агенты, установившие

¹³ См. *Ganev 2001*.

¹⁴ *Hellman et al. 2000*.

¹⁵ *Black et al. 2000; Clarke 2007*.

¹⁶ *Hamm et al. 2012; Dzarasov 2013*.

¹⁷ *Holmes 1997*.

¹⁸ *Clarke 2007; Fortescue 2007; Yakovlev 2006, 2013*.

¹⁹ См., напр. *Hedlund 2006; Blank 2011*. Впрочем, этот образ русской истории, в значительной степени интернализированный как элитой, так и населением, в какой-то мере сыграл роль «самоисполняющегося пророчества».

²⁰ См., напр. *Graham 2000*.

²¹ *Cappelli 2008: 563*.

²² *Hale 2010*.

контроль над ресурсами государства в 1990-е годы, как раз и были теми, кто своими действиями ослаблял и разрушал государство¹³. Наблюдатели, осмыслявшие этот процесс, говорили о «захвате государства»¹⁴ и «клептократии»¹⁵. Действительно, уклонение новых собственников от налогов вело к уменьшению «экстрактивной» способности государства (*extractive capacity*), а взятки чиновникам и сотрудничество с организованной преступностью — к снижению его «принуждающей» способности (*coercive capacity*). Таким образом, контроль над инсайдерской рентой был напрямую связан с размыванием двух ключевых свойств государства — монополии на насилие и на сбор налогов¹⁶.

Российское «слабое государство» в 1990-е годы довольно быстро стало восприниматься западными наблюдателями как проблема, в том числе и для Запада¹⁷. Но, что важнее, в результате кризиса 1998 г. запрос на усиление государства появился у самого российского бизнеса. Во-первых, сильное государство могло помочь избежать новых катаклизмов, чреватых перераспределением власти и собственности в стране. Во-вторых, в результате кризиса и девальвации рубля бизнес стал рассматривать свои активы не только как источник инсайдерской ренты, но и как средство для инвестиций, потенциально способных приносить прибыль. Капитал начал поступать в промышленность, что повлекло за собой расширение «временного горизонта» бизнеса¹⁸. Другими словами, запрос на «сильное государство» был обусловлен не российской историей, которая якобы делает неизбежным восстановление после очередного периода «смуты» «московской державы» с присущей ей неподконтрольностью правителей, взаимопроникновением власти и собственности, милитаризацией и официальной ксенофобией, как считают сторонники концепции «исторической колеи»¹⁹, а динамикой российского капитализма. К началу первого президентского срока Путина его государственный курс позитивно воспринимался западными комментаторами²⁰.

Однако динамика «усиления» государства при Путине определялась его характером при Ельцине, а именно его слабостью. Стратегия Путина заключалась не столько в замене патронажных сетей имперсональными бюрократическими механизмами, сколько в их принудительной централизации и обеспечении прямого политического контроля со стороны Кремля. В этом смысле, по утверждению Отторино Каппелли, Путин действовал скорее не как современный автократ, а как абсолютистский монарх из числа тех, что находились у истоков государств Нового времени: «Государственное строительство раннего Нового времени в меньшей степени основывалось на формирующейся национальной бюрократии и в большей — на клиентелизме, патронаже и управлении на основе личных связей»²¹. Централизация патронажных сетей и создание «единой пирамиды» власти в противовес «сореволюционным пирамидам» при Ельцине рассматриваются Генри Хейлом как отличительные черты путинского гибридного режима²².

²³ Фисун 2007.

NB! Абсолютистскую аналогию для характеристики эволюции неопатримониализма в России использует также Александр Фисун²³. Эта интерпретация хорошо согласуется с упомянутым выше тезисом Ганева: после 10 лет «государственного строительства наоборот» наступило время государственного строительства в буквальном смысле, то есть жестокого и насильственного процесса, в котором доминируют патронаж и силовые методы.

²⁴ *Tompson 2010: 8.*

Расширение государственного участия в экономике было, по видимому, одной из составляющих этого процесса. Уильям Томпсон связывает преобразования в экономике, особенно выраженные после 2004 г., со слабостью государства: «Слабые институты побуждают правителей идти на реализуемые, пусть и неоптимальные меры: в данном случае опираться на прямой контроль и принуждение вместо договорных отношений, регулирования и налогообложения. Подобные меры, в свою очередь, создают дополнительные трудности для институциональных улучшений, поскольку еще больше укрепляют те изъяны, которые и заставили пойти на эти меры»; эти же изъяны мешают эффективному управлению госкомпаниями и порождают коррупцию и рентоориентированное поведение²⁴.

²⁵ Показателен точный прогноз Глеба Павловского, сделанный в переломный момент первого срока Путина (Павловский 2003).

²⁶ Волков 2008: 87.

Экономическая и политическая эволюция российского государства середины 2000-х годов хорошо укладывается в эту модель. Стремясь, как ему казалось, устранить угрозу государственному суверенитету в виде лоббистских усилий Михаила Ходорковского, направленных на минимизацию налоговых выплат крупного бизнеса, и в целом преодолеть ситуацию взаимопроникновения власти и собственности, Путин пошел на принудительные меры, обеспечивающие грубый политический контроль государства над бизнесом. В реализации этих мер Путин не мог не опираться на патронажную сеть силовиков, что, в свою очередь, увеличило его зависимость от этой сети и фактически привело к новому «захвату» государства — на этот раз изнутри, а не снаружи²⁵. Из-за изменения баланса сил в пользу силовиков (переломным моментом здесь, несомненно, было дело ЮКОСа) и все большей зависимости от них Путин вынужден был применять персоналистские методы управления и в реализации других целей, включая использование нефтегазовых доходов для развития экономики. Отсюда «персонифицированная госсобственность» государственных корпораций, логика создания которых, как отмечает Вадим Волков, была скорее логикой «отчаяния, а не наживы»²⁶.

Изменив композицию правящего класса и тем самым запустив новый доминирующий проект элит, который можно обозначить как «захват источников ренты под эгидой государства», Путин вместе с тем оказался (и сделал государство) заложником этого проекта. В целом российское государство сохранило свой неопатримониальный характер, предполагающий переплетение власти и собственности, публичного и частного. Однако в результате «силовой рационализации» олигархиче-

²⁷ Фисун 2007.

ский патримониализм 1990-х годов сменился патримониализмом бюрократическим, где господствующим слоем стала силовая бюрократия²⁷. Ответственность за эту траекторию может быть возложена на власть, которая под лозунгом «усиления государства», как выяснилось, создавала основу для авторитарного персоналистского режима, но она лежит также на бизнесе. Андрей Яковлев указывает на парадокс ситуации начала-середины 2000-х годов: экономические агенты были заинтересованы в усилении государства, но это усиление приняло форму «бюрократической консолидации», связанной с подчинением бизнеса государству, в чем отчасти был виноват и сам бизнес, пытавшийся «заключить неформальную сделку с властью за спиной у общества, игнорируя необходимость признания обществом той структуры собственности, которая сложилась в России в 1990-х годах»²⁸.

²⁸ Yakovlev 2006: 1054.

В то же время стоит задаться вопросом: справедливо ли сводить расширение государственной собственности в середине — второй половине 2000-х годов к простому перераспределению источников ренты в ходе консолидации новой формы патримониализма? Не свидетельствуют ли «дирижистские» усилия властей о формировании в России «государства развития» (developmental state), стимулирующего и направляющего экономическую активность, что означало бы разрыв с неолиберальной логикой?

²⁹ Chernykh 2011.

Действительно, «рентоориентированное поведение» не работает в качестве универсального объяснения экономических трансформаций в путинской России. Как обнаружило, в частности, исследование 153 фирм, ренационализации подвергались в первую очередь не самые успешные и прибыльные (а значит, привлекательные для рентоориентированных игроков) компании, но компании, имеющие стратегическое значение, что в целом указывает на экономический национализм как мотивацию правительства²⁹. Высказывалась также точка зрения, что экспроприация ЮКОСа в конечном счете была мотивирована желанием защитить государственный суверенитет (что соответствует тезису об экономическом национализме), а ряд национализаций в газовой и атомной промышленности преследовал цели экономического развития данных отраслей³⁰.

³⁰ Yorke 2014: 49—267.

³¹ Evans 1989: 569—571.

Российское государство, бесспорно, не является «государством-хищником» (predatory state), выжимающим все соки из общества с катастрофическими последствиями для экономики, как, скажем, Заир при Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду ва за Банга, приводимый в качестве крайнего примера в статье Питера Эванса³¹. Но и о «государстве развития» в России, на мой взгляд, говорить нельзя. Ведь, как показывает тот же Эванс, «государства развития» вроде Южной Кореи и Тайваня обеспечили не просто экономический рост, но и структурную трансформацию своих экономик³². Российская же экономика в период путинского «дирижизма», напротив, сохранила и даже усилила присущие ей структурные диспропорции, прежде всего зависимость от сырьевого экспорта. Перераспределение собственности в пользу государства привело не к трансформации,

³² *Ibid.*: 571—574.

а к стабилизации патримониального капитализма, к воспроизводству status quo³³.

Однако эта стабилизация была вновь поставлена под угрозу в результате кризиса 2008—2009 гг. Если кризис 1998 г. был кризисом неолиберального капитализма³⁴, то на этот раз речь шла о кризисе путинской модели капитализма с доминированием государства³⁵. Характерна реакция на него властей: с одной стороны, государственным компаниям, накопившим огромный корпоративный долг, оказывалась масштабная финансовая помощь; с другой стороны, правительство практически сразу же заговорило о новой приватизации, и «дирижистский» уклон государственного курса как будто бы снова сменился неолиберальным. Начиная с 2010 г. намерение сократить долю госсектора в экономике регулярно декларировали на Санкт-Петербургских экономических форумах как Дмитрий Медведев, так и Путин. В 2010 г. был утвержден Прогнозный план приватизации на 2011—2013 гг. на общую сумму 30 млрд. долларов³⁶. В предвыборной статье «О наших экономических задачах» Путин поставил цель сокращения госсектора, подчеркнув: «Считаю возможным до 2016 г. снизить долю участия государства в некоторых сырьевых и завершить процесс выхода из капитала крупных несырьевых компаний, которые не относятся к естественным монополиям и оборонному комплексу»³⁷. В статье также указывалось, что «приватизация носит не фискальный, а структурный характер» и направлена на поощрение конкуренции³⁸. Налицо попытка вернуться к логике «государства-регулятора» и «государства конкуренции» (competition state)³⁹, стремящегося уйти от прямого вмешательства в экономику и сосредоточиться на дистанционном регулировании. Основные положения статьи нашли отражение в «майском» указе «О долгосрочной государственной экономической политике» (Указ № 596)⁴⁰.

Тем не менее на практике темпы приватизации были и остаются крайне низкими, продажа крупных активов постоянно откладывается, доля государства в экономике не снижается, а растет⁴¹. По данным Счетной палаты, поступления в федеральный бюджет от приватизации составили в 2010—2014 гг. 21% от запланированных⁴². Главы государственных компаний успешно лоббируют перенос сроков приватизации (особенно хорошо это удается Игорю Сечину⁴³). Из предвыборной статьи Путина следует, что госкорпорации — временная и промежуточная форма управления государственной собственностью, однако в реальности они продолжают наращивать активы и поглощать целые отрасли⁴⁴; к тому же создаются новые госкорпорации («Роскосмос»). Наконец, возвращается силовое перераспределение собственности в пользу государства, инициируемое на самом высоком уровне, как в случае с «Башнефтью» и арестом Владимира Евтушенкова. Бросающееся в глаза противоречие между требованиями Путина и Медведева сократить присутствие государства в экономике и фактическим ростом этого присутствия заставляет вновь говорить о слабости и кризисе государства: «Это кризис путинского государства, неспособного реализовывать

⁴⁵ Становая 2015.

те задачи, которые встречают даже минимальное сопротивление внутри элиты»⁴⁵. Парадоксальным образом доля государственной собственности растет, тогда как способность государства автономно ставить цели и последовательно их реализовывать падает.

Тезис о слабости государства позволяет провести параллель с периодом 1990-х годов. Доминировавший тогда проект элит (экстракция ресурсов государства) определил характер приватизации (борьба за инсайдерский контроль над предприятиями), что привело к формированию режима олигархического патримониализма. Доминирующий в настоящее время проект элит (захват источников ренты под эгидой государства) и соответствующая ему политическая форма (бюрократический патримониализм) тоже определяют характер приватизации, а именно сопротивление посткризисному курсу на продажу государственных активов со стороны менеджеров госкорпораций, стремящихся сохранить и расширить инсайдерский контроль над финансовыми потоками и политический вес, который обеспечивают им их позиции. Таким образом, динамика неопатримониального режима, сочетающая внутренние процессы политической консолидации с реакцией на внешние экономические шоки, формирует очертания «реального неолиберализма» в путинской России.

**Легитимность:
основное
противоречие
неолиберальных
реформ
социальной сферы**

Выше я показал, как меняющиеся контуры неопатримониального режима влияют на ход неолиберальных преобразований в экономике. Однако российский неопатримониализм в его олигархической или бюрократической форме, предполагающий переплетение власти и собственности, политику патронажа и перераспределения источников ренты, в то же время отличается от классического патримониализма, каким он предстает в работах Макса Вебера, тем, что не опирается на ту или иную разновидность традиционной легитимности: «...Метафора Путина как „царя“ имеет хождение в современном российском обществе, но трудно себе представить, чтобы кто-либо в России *действительно* считал Путина царем»⁴⁶. Некоторые авторы выделяют организационный и идеологический уровни патримониализма⁴⁷. С этой точки зрения патримониализм на организационном уровне, как стратегия элит, присущ постсоветской России, однако на уровне идеологическом, как тип легитимности, он практически не имеет отношения к постсоветской российской действительности. Другими словами, формы и стратегии легитимации режима представляют собой отдельную аналитическую проблему, несводимую к характеристике российского режима как «неопатримониального». В этом качестве они оказывают влияние на процесс неолиберализации в России.

⁴⁶ Hanson 2011: 38.

⁴⁷ Lachmann 2011.

С 2000 г. легитимность Путина была основана на тавтологичной фигуре «путинского большинства», которое, как пронципально заметил Кирилл Рогов в 2001 г., «делегировало свои политические права не по конкретному вопросу, а вообще — как таковые»⁴⁸, что соответству-

⁴⁸ Рогов 2001.

⁴⁹ О'Доннел 1994.

ет политической форме «делегативной демократии»⁴⁹. Эта широкая поддержка, мандат на проведение реформ, а также пропрезидентское большинство в Госдуме позволили Путину инициировать программу неолиберальных преобразований, известных как «программа Грефа» (здесь можно провести параллель с предыдущим эпизодом «делегативной демократии» — реформами Егора Гайдара, до какого-то момента защищенными популярностью Ельцина). Реформы первого путинского срока включали введение плоской шкалы подоходного налога для физических лиц и накопительных пенсий, сокращение налога на прибыль, принятие нового Земельного кодекса, закрепившего право собственности на землю, а также более выгодного для работодателей Трудового кодекса, конкурентное финансирование организаций госсектора и другие изменения, в целом представлявшие собой радикальную либерализацию и коммерциализацию постсоветского социально-государства, вплоть до отказа от самого этого термина в пользу понятия «субсидиарное государство»⁵⁰. Российские реформы социальной сферы оказались более радикальными, чем во многих странах Восточной Европы⁵¹.

⁵⁰ «Вместо социального государства (патернализма) и приватизации социальных функций (радикального либерализма) создается „субсидиарное“ государство, которое обеспечивает социальные гарантии в той мере, в которой общество не может этого сделать самостоятельно» (Стратегия 2000). Интересно, что этот пассаж из официальной программы реформ, вроде бы призванный продемонстрировать компромисс с неким «радикальным либерализмом», противоречит Конституции РФ, закрепившей статус России как социального государства (по какой-то причине приравниваемого здесь к патернализму).

Вместе с тем особенностью реформ было то, что при их проведении Путин опирался на экспертов-технократов и чиновников, практически не пытаясь артикулировать неолиберальный проект как часть общественной повестки дня и элемент собственной легитимности. Напротив, неолиберализм в социальной сфере сочетался с риторикой социальных обязательств, со временем ставшей одной из ключевых стратегий легитимации режима. Этим Путин отличался от западных радикальных неолиберальных реформаторов вроде Маргарет Тэтчер, превратившей неолиберализм из маргинальной идеологии не просто в конкретный набор реформ, но в популярную политическую платформу, в значительной степени разделяемую населением благодаря тому, что Стюарт Холл обозначил как критическую и идеологическую работу по «конструированию „здорового смысла“ тэтчеризма», артикуляции общественных проблем через призму антиэтатизма и антиколлективизма⁵². В России эта работа проведена не была: «...В отличие от развитых неолиберальных стран Запада, в большинстве своем успешно исключивших вопросы социальной поддержки из основания своей легитимности перед гражданами, социальный популизм Путина означает, что эти вопросы напрямую затрагивают легитимность его режима»⁵³. В разрыве между социально-ориентированной риторикой и неолиберальной практикой⁵⁴ и заключается главное противоречие путинских реформ социальной сферы. Этот разрыв трансформирует неолиберальный курс, заставляет экспериментировать с альтернативными формами социальной политики и комбинированными, гибридными способами легитимации происходящих изменений.

Реформа системы социальных льгот 2005 г. — классический пример таких трансформаций. Сама эта реформа изначально представляла собой некий гибрид. Замена натуральных льгот денежными выплатами

⁵¹ Szelenyi, Wilk 2010.

⁵² Холл 2015.

⁵³ Sakwa 2015: 197.

⁵⁴ Henry 2009.

подразумевала рост индивидуальной ответственности получателей льгот, связанный с необходимостью самостоятельно распоряжаться деньгами, а не полагаться на государство; кроме того, монетизация льгот считалась способом повысить финансовую прозрачность и эффективность социальных расходов и в целом должна была способствовать развитию рыночной экономики. Все это указывает на неолиберальный характер реформы⁵⁵. В то же время сами категории льготников не изменились, и перехода к системе, основанной исключительно на учете материального положения получателей социальной помощи (means-tested system), составляющей краеугольный камень либеральной модели социального государства, не произошло. Иначе говоря, неолиберальная логика здесь сочеталась с сохранением и воспроизводством отдельных элементов советского наследия. Однако и в таком виде реформа спровоцировала социальные протесты, самые массовые в путинской России. Их результатом стала не столько упрямая конфронтация властей с населением, сколько серия тактических отступлений правительства: дальнейшая гибридизация реформы (в ряде случаев льготники получили возможность выбирать между натуральной льготой и денежной выплатой, сумма выплат увеличилась и т.д.), досрочное повышение пенсий и индексация зарплат бюджетников⁵⁶.

⁵⁵ *Wengle, Rasell 2008; Hemment 2009.*

⁵⁶ *Wengle, Rasell 2008.*

Жюли Хеммент подчеркивает парадоксальность положения Путина. С одной стороны, ядром его легитимности были социальные лозунги и риторическое дистанцирование от 1990-х годов с их радикальными неолиберальными экспериментами под руководством международных финансовых институтов. С другой стороны, монетизация льгот продолжала взятый Путиным ранее курс на углубление неолиберальных реформ социальной сферы: «Путин полагался на те же модели Всемирного банка, которые определяли политику в ельцинский период»⁵⁷. Это обусловило не только противоречивый и неполный характер самой реформы, а также ее дальнейшую трансформацию под влиянием протестов, но и комбинированные, гибридные тактики легитимации изменений. Так, Хеммент обнаружила связь между монетизацией льгот и деятельностью проправительственных молодежных движений, как региональных, так и федеральных («Наши»). Проведенное ею полевое исследование показало, что, будучи опорой режима в уличной политике, эти движения вместе с тем оказались вовлечены в процесс легитимации социальных реформ, в частности монетизации льгот: восстанавливая своей волонтерской работой символический авторитет групп, пострадавших от монетизации (пенсионеров, ветеранов), они в то же время приучали население к тому, что отныне бремя социальной защиты лежит не только и не столько на государстве, сколько на трехстороннем партнерстве государства, бизнеса и «гражданского общества» (в лице самих этих молодежных движений). Согласно заключению Хеммент, подобно монетизации льгот как таковой, молодежные движения, запущенные властями в период второго срока Путина, носили гибридный характер, представляя собой своеобразный коктейль из комсомола и западного

⁵⁷ *Hemment 2009: 40.*

«третьего сектора», которому в рамках неолиберальной логики передавались функции, ранее выполнявшиеся государством. Этот странный гибрид Хеммент называет «неолиберализмом в советском духе»⁵⁸.

⁵⁸ *Ibid.*: 37.

По мнению некоторых исследователей, реформа системы льгот обозначила пределы либерализации социальной сферы⁵⁹. Действительно, последующие реформы второго срока Путина (приоритетные национальные проекты, материнский капитал) отклонялись от взятого ранее курса на переход к либеральной модели социального государства: поддержка семьи и рождаемости свидетельствовала скорее о предпочтении консервативной модели. Однако кризис 2008—2009 гг. внес свои коррективы. Как и в экономике, в социальной сфере начался новый виток неолиберальных преобразований. Но если в экономике они столкнулись с сопротивлением и фактически были остановлены, то в социальной сфере вновь, как и в случае с монетизацией льгот, подверглись трансформации и гибридизации.

⁵⁹ *См., напр. Cook 2007.*

На этот раз объектом реформ стала сеть бюджетных учреждений. В первом десятилетии XXI в. уже предпринимались попытки реформировать системы государственного образования, здравоохранения и культуры. В середине 2000-х годов на повестке стояла фактическая приватизация части бюджетных структур посредством преобразования их в государственные (муниципальные) автономные некоммерческие организации (ГМАНО), которым, несмотря на их название, имущество должно было принадлежать по праву частной собственности и которые не относились к бюджетному сектору⁶⁰. Эта идея вызвала недовольство населения, и на фоне протестов против монетизации льгот правительство решило от нее отказаться, взамен приняв в 2006 г. закон «Об автономных учреждениях», согласно которому бюджетная организация могла при желании получить автономный статус, расширяющий ее экономическую самостоятельность (и ответственность). В последующие годы статус автономных приобрела лишь малая часть бюджетных учреждений, что было связано как с административно-правовыми трудностями⁶¹, так и с опасностями и рисками перехода на коммерческие рельсы в российских условиях. Но в 2010 г. начался новый этап реформирования бюджетного сектора: с принятием Федерального закона № 83-ФЗ экономическая самостоятельность и псевдокоммерческий характер деятельности должны были стать правилом для всей сети государственных бюджетных учреждений.

⁶⁰ *Лисин, Рудник 2012.*

⁶¹ *Там же.*

Ведущие эксперты, участвовавшие в разработке «программы Грефа», явным образом связывали новый виток реформ с кризисом 2008—2009 гг. и говорили о «масштабной оптимизации бюджетной сети», при которой «высвобождение занятых улучшит предложение на рынке труда»⁶². «Оптимизация» здесь, по-видимому, означала сокращение штатов и закрытие части учреждений, а «улучшение предложения на рынке труда» — создаваемую таким образом безработицу. Действительно, конкурентное финансирование через госзадание, вводимое Законом № 83-ФЗ, было призвано рыночным путем определить победителей

⁶² *Дмитриев, Юртаев 2010: 6.*

⁶³ Клячко, Мау, Синельников-Мурылев 2010: 4.

и проигравших: «...Конкурентное финансирование ударит по неэффективным, слабым учреждениям, работники которых не могут не понимать этого»⁶³. Параллельно реорганизации бюджетной сети Закон развивал логику перехода к либеральной модели социального государства, в которой ответственность за социальное благополучие перекладывается на самих граждан: бюджетные учреждения получили право взимать плату за дополнительные услуги, оказываемые сверх финансируемого из бюджета госзадания, что создало предпосылки для коммерциализации их функций и потребовало дополнительных расходов со стороны населения.

На практике воплощение Закона в жизнь носило крайне осторожный характер на фоне достаточно серьезных протестов (которые, правда, были несравнимо слабее протестов 2005 г.). Парадоксальным образом в условиях углублявшегося экономического кризиса истинную задачу Закона № 83-ФЗ, которую Михаил Дмитриев и Алексей Юртаев эвфемистически обозначили как «оптимизацию бюджетной сети», решила реформа, имевшая другую природу, на первый взгляд «популистскую», а вовсе не неолиберальную. Речь идет о «майском» указе «О мерах по реализации государственной социальной политики» (Указ № 597).

⁶⁴ См. Указ 2012а.

В целом «майские указы», как и многие предшествовавшие реформы, носили гибридный характер. С одной стороны, такие меры, как приватизация, сокращение доли госсектора⁶⁴, позволяют говорить об элементах неолиберализма. С другой стороны, определение целевых показателей, выражаемых в конкретных цифрах, в самых разных областях вплоть до демографии заставляет вспомнить о советских практиках управления и планирования. Выбивается из неолиберальной логики и Указ № 597, привязывающий зарплаты различных категорий бюджетников к средней по региону, поскольку он не основывается на принципах экономической самостоятельности и конкуренции. В известной степени он противоречит установленным ранее принципам определения зарплат в бюджетном секторе, предполагающим, согласно Новой системе оплаты труда (НСОТ), не столько поэтапный рост вознаграждения всех работников, сколько внутреннюю конкуренцию за выплаты из «стимулирующего фонда» оплаты труда.

⁶⁵ Кувшинова 2015.

При всем том Указ № 597 продолжает некоторые тенденции реформирования социальной сферы, сложившиеся ранее. Во-первых, речь фактически идет о перекладывании социальных обязательств на регионы. Объем федеральной помощи региональным бюджетам, несущим финансовое бремя по повышению зарплат, недостаточен для решения этой задачи и постоянно уменьшается, что приводит к росту задолженности субъектов Федерации и создает опасность региональных дефолтов⁶⁵. Во-вторых, оборотной стороной выполнения Указа являются увольнения и рост нагрузки на оставшихся работников. Отчасти это продиктовано логикой самого Указа, предлагающего повышать зарплаты за счет «реорганизации неэффективных организаций»⁶⁶.

⁶⁶ Указ 2012б.

⁶⁷ Мальшиева, Забавина 2014.

⁶⁸ Указ 2012б.

⁶⁹ См., напр. Доклад 2014.

⁷⁰ Реск 2010.

⁷¹ Rutland 2013.

⁷² Бовт 2015.

Заключение

⁷³ Hughes et al. 2014.

⁷⁴ Aris 2015.

Необходимостью выполнять Указ нередко объясняют сокращения штатов и закрытие бюджетных учреждений, как это происходило в московском здравоохранении в 2014 г.⁶⁷ В-третьих, вопреки своей универсалистской логике Указ оставляет поле для введения конкурентных «стимулирующих» механизмов оплаты труда, поскольку предлагает обусловить повышение зарплат «достижением конкретных показателей качества и количества оказываемых услуг»⁶⁸. Последующие официальные документы всячески акцентируют этот момент, подчеркивая, что универсальный характер повышения зарплат сглаживает внутреннюю конкуренцию работников, которую, напротив, необходимо постоянно и всеми способами усиливать⁶⁹.

В итоге, несмотря на свой внешне «популистский» характер, Указ № 597 не только привел к последствиям, сходным с радикальными неолиберальными преобразованиями, но и был заново встроен в неолиберальную логику дальнейшими изменениями, в частности введением «эффективного контракта» в бюджетном секторе. На примере Указа № 597 и в целом реформы бюджетного сектора можно проследить неравномерность и противоречивость процесса неолиберализации, захватывающей и трансформирующей чуждые ей элементы, которые, в свою очередь, оказывают влияние на сам этот процесс⁷⁰.

Как и в случае с монетизацией льгот, власти используют комбинированный, гибридный способ легитимации изменений. Сами по себе «майские указы» с их сильным социальным фокусом стали для Путина дополнительным источником легитимности и косвенным ответом на протесты 2011—2012 гг.⁷¹ Мониторинг выполнения указов поручен Общероссийскому народному фронту, надпартийной структуре, созданной перед выборами 2011 г. и возглавляемой лично Путиным. ОНФ регулярно критикует правительство за невыполнение указов, однако, как отмечают некоторые эксперты, эта критика носит поверхностный характер и не затрагивает реальных проблем, в том числе созданных Указом № 597 в бюджетном секторе⁷². Путин, таким образом, оказывается источником как самих «майских указов», так и их критики: символический престиж указов принадлежит Путину, но ответственность за их выполнение несет правительство, а его провалы критикуются ОНФ — структурой, ассоциируемой опять же с Путиным.

Ситуация, сложившаяся в российской экономике и социальной сфере, на первый взгляд выглядит весьма противоречивой. На фоне продолжающегося роста доли госсектора (по данным МВФ, расходы государства и госкомпаний еще в 2012 г. достигли 71% ВВП⁷³) государство все больше дистанцируется от социальной сферы. Траты на здравоохранение, образование, культуру в федеральном бюджете сокращаются; рынок частного здравоохранения стремительно расширяется⁷⁴; государственные медицинские учреждения передаются частным фирмам на правах концессии. Однако каких-либо значимых изменений

в риторике государства, обычно сопутствующих политике «строгой экономии» в западных странах, не происходит: вопрос как бы сводится к срокам воплощения в жизнь «майских указов» президента, к тому, будут ли они исполнены «чуть раньше» или «чуть позже», как выразился Путин⁷⁵.

⁷⁵ Путин 2015.

«Реальный неолиберализм» в путинской России имеет свои специфические черты. Неолиберальные реформы не являются следствием диктата международных финансовых институтов. В то же время внешние экономические шоки, такие как кризис 2008—2009 гг., заставляют власти возвращаться к неолиберальной политике. Но реализация этой политики носит неравномерный и гибридный характер. Выше я показал, какие факторы влияют на процесс неолиберализации. С одной стороны, силовая бюрократия, составляющая опору бюрократического патримониализма в России, противостоит усилиям по сокращению доли государства в экономике. С другой стороны, неолиберализация социальной сферы входит в противоречие с риторикой социальных обязательств, что ведет к «неравномерной политике и порождаемым ею гибридным социальным формациям»⁷⁶.

⁷⁶ Hemment 2009: 37.

И все же на более фундаментальном уровне путинская модель экономики и социальной сферы выступает органичной частью глобального неолиберального поворота, ключевая особенность которого заключается в переопределении отношения между государственным и частным, в переизобретении «государственного» (public) как такового⁷⁷. В результате расширения госсобственности при Путине произошло не столько огосударствление экономики, сколько превращение государства в своего рода корпорацию с соответствующими установками и моделями управления. Показательно противодействие президентов госкомпаний, в том числе такого государственника и критика неолиберализма, как Владимир Якунин, попыткам раскрыть их зарплаты, что трактуется ими как недопустимое вмешательство в частную жизнь. Не менее показательна и реакция того же Якунина на критику массивных трат РЖД на профессиональный спорт: в ответ на высказываемые упреки он заметил, что тратятся не деньги налогоплательщиков, а «деньги, которые компания зарабатывает на рынке»⁷⁸, фактически еще раз подчеркнув, что работа компании — частное дело. Государственный характер собственности в России не означает этики и общественного контроля, связанных с госслужбой. В свою очередь, реальной базой путинского режима является даже не социальный популизм, а скорее деполитизация населения, низкий уровень политического участия и доверия к институтам⁷⁹. В известном смысле деполитизация, предпочтение индивидуальных стратегий коллективным⁸⁰, бывшие в западных странах результатом дискурсивного и политического конструирования, стали в России стихийным эффектом экономической и социальной катастрофы 1990-х годов. Таким образом, при всей специфике «реального неолиберализма» в путинской России, российская модель экономики и социальной

⁷⁷ Cerny 2010.

⁷⁸ Якунин 2013.

⁷⁹ Кроме института президента РФ (см. Исследование 2015).

⁸⁰ Brown 2003.

сферы не может считаться альтернативой глобальному неолиберальному порядку.

Означает ли это, что недостатки российской модели могут быть исправлены новым раундом неолиберальных реформ? На мой взгляд, необходима проблематизация неолиберального проекта по двум направлениям. Во-первых, это склонность неолиберальных реформаторов опираться на технократические методы, бюрократическую вертикаль и президентскую легитимность, оставаться «в системе», что нередко равноценно косвенной поддержке авторитаризма. По меткому замечанию Лилии Шевцовой, «экономический либерализм... был виагрой для российского авторитаризма»⁸¹. Во-вторых, это абсолютизация рынка, конкуренции, предпринимательского поведения, которые объявляются необходимыми посредниками при достижении любых других целей: развитых институтов, эффективного и дееспособного государства, сильной системы социальной поддержки. Между тем при отсутствии подобных институтов и практик рыночная логика не только не порождает запроса на них, как ожидали реформаторы в 1990-х и в 2000-х годах, но и усиливает существующие неравенства и открывает дополнительные возможности для неопатримониальных стратегий элит. Иными словами, неолиберализм выступает не столько лекарством, сколько источником новых проблем — а значит, необходима работа над альтернативными проектами экономических и социальных реформ.

⁸¹ Shevtsova 2013: 19. См. также Рогов 2010.

Библиография

Бовт Г. 2015. Дискуссии на тему майских указов между ОНФ и правительством напоминают легкий троллинг // *Коммерсантъ*. 11.05 (<http://www.kommersant.ru/doc/2724322>).

Волков В. 2008. Госкорпорации: институциональный эксперимент // *Pro et Contra*. Т. 12. № 5—6 (http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pes/2008/5-6/ProEtContra_2008_5-6_06.pdf).

Гуриев С. 2013. *Новая волна приватизации в России: Записка аналитического центра Обсерво* № 2 (http://obsfr.ru/uploads/media/130115_Policy_Paper_2_Gouriev_RU.pdf).

Дмитриев М., Юртаев А. 2010. Стратегия-2010: итоги реализации 10 лет спустя // *Экономическая политика*. № 3.

Доклад Экспертного совета при Правительстве Российской Федерации по реализации эффективного контракта в здравоохранении. 2014 (<http://open.gov.ru/upload/iblock/716/716745c7a9ad55a8470d6c534fae9a93.docx>).

Дранишников М. 2015. «Ростех» получит крупнейшего российского производителя вакцин // *Ведомости*. 18.03 (<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/03/18/rosteh-poluchit-krupneishego-rossiiskogo-proizvoditelya-vaktsin>).

Иваницкая Н. 2012. Игорь Сечин — волнорез приватизации // *Forbes*. 6.02 (<http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/79061-pisambalamuta>).

Исследование «Ромир»: Рейтинг доверия социальным институтам в России в 2015 году. 2015 // *Центр гуманитарных технологий*. 20.05 (<http://gtmarket.ru/news/2015/05/20/7162>).

Клячко Т.Л., Май В., Синельников-Мурылев С.Г. 2010. О реформе бюджетных учреждений // *Справочник руководителя образовательного учреждения*. № 4.

Кувшинова О. 2015. Высшая школа экономики: 20 российских регионов фактически в дефолте // *Ведомости*. 19.05 (<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/05/19/visshaya-shkola-ekonomiki-20-rossiiskih-regionov-fakticheski-v-defolte>).

Лисин Н.В., Рудник Б.Л. 2012. Реформа бюджетного сектора: проблемы, риски, перспективы // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 2.

Мальшева Е., Забавина Ю. 2014. В московских больницах начались сокращения врачей и отделений // *РБК*. 09.11 (<http://top.rbc.ru/retail/11/09/2014/948262.shtml>).

О’Доннелл Г. 1994. Делегативная демократия // *Пределы власти*. № 2—3.

Павловский Г. 2003. О негативных последствиях «летнего наступления» оппозиционного курсу президента РФ меньшинства // *Новая газета*. 11.09 (<http://2003.novayagazeta.ru/nomer/2003/67n/n67n-s00.shtml>).

Поступления в федеральный бюджет от приватизации в 2010—2014 гг. составили лишь 21% первоначального плана. 2015 // *Счетная палата РФ*. 19.04 (http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21066)

Путин В.В. 2012. О наших экономических задачах // *Ведомости*. 30.01 (http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah).

Путин: майские указы — стратегические, их целей надо достичь. 2015 // *РИА Новости*. 28.04 (<http://ria.ru/politics/20150428/1061387909.html>).

Радыгин А., Симачев Ю., Энтов Р. 2011. Государство и разгосударствление: риски и ограничения «новой приватизационной политики» // *Вопросы экономики*. № 9.

Рогов К. 2001. «Путинское большинство», гримаса демократии, или Юбилейная деконструкция Павловского // *Полит.ру*. 28.03 (<http://polit.ru/article/2001/03/28/479316/>).

Рогов К. 2010. О советниках и бегемоте // *Новая газета*. 7.06 (<http://www.novayagazeta.ru/politics/3214.html>).

Становая Т. 2015. Повестка «Президент». Чем Путин заполнит посткрымский вакуум // *Slon.ru*. 28.04 (<https://slon.ru/posts/50994>).

Стратегия развития РФ до 2010 года. 2000 // *Коммерсантъ*. 12.05 (<http://www.kommersant.ru/documents/Strat1.htm>).

Указ президента РФ от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике». 2012а // *Российская газета*. 9.05 (<http://www.rg.ru/2012/05/09/gospolitika-dok.html>).

Указ президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». 2012б // *Российская газета*. 9.05 (<http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html>).

Фисун А. 2007. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // *Отечественные записки*. Т. 6. № 39.

Холл С. 2015. Большое шоу правого поворота // *Открытая левая*. 19.06 (<http://openleft.ru/?p=6387>).

Якунин В. 2013. О спортивном спонсорстве // *Блог Владимира Якунина*. 25.12 (<http://v-yakunin.livejournal.com/79453.html>).

Aris B. 2015. Russia Private Health Care Growing Rapidly // *Russia Insider*. 25.03 (<http://russia-insider.com/en/2015/03/25/4963>).

Baer W. 1972. Import Substitution and Industrialization in Latin America: Experiences and Interpretations // *Latin American Research Review*. Vol. 7. № 1.

Black B.S., Kraakman R., Tarassova A. 2000. Russian Privatization and Corporate Governance: What Went Wrong? // *Stanford Law Review*. Vol. 52.

Blank S. 2011. Russia's Geo-economic Future: The Security Implications of Russia's Political and Economic Structure // *The Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 24. № 3.

Brown W. 2003. Neo-liberalism and the End of Liberal Democracy // *Theory and Event*. Vol. 7. № 1.

Cappelli O. 2008. Pre-modern State-building in Post-Soviet Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 24. № 4.

Cerny P.G. 2010. *Rethinking World Politics: A Theory of Transnational Neopluralism*. — N.Y.

Chernykh L. 2011. Profit or Politics? Understanding Renationalizations in Russia // *Journal of Corporate Finance*. Vol. 17. № 5.

Clarke S. 2007. *The Development of Capitalism in Russia*. — L.

Collier S.J. 2011. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. — Princeton, Oxford.

Cook L.J. 2007. *Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe*. — Ithaca, L.

Dzarasov R. 2013. *The Conundrum of Russian Capitalism: The Post-Soviet Economy in the World System*. — L.

Evans P.B. 1989. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State // *Sociological Forum*. Vol. 4. № 4.

Fortescue S. 2006. *Russia's Oil Barons and Metal Magnates: Oligarchs and the State in Transition*. — L.

Fourcade-Gourinchas M., Babb S.L. 2002. The Rebirth of the Liberal Creed: Paths to Neoliberalism in Four Countries // *American Journal of Sociology*. Vol. 108. № 3.

Ganev V.I. 2001. The Dorian Gray Effect: Winners as State Breakers in Post-communism // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 34. № 1.

- Ganev** V.I. 2005. Post-communism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 38. № 4.
- Gowan** P. 1995. Neo-Liberal Theory and Practice for Eastern Europe // *New Left Review*. № 213.
- Graham** T.E. 2000. The Fate of the Russian State // *Demokratizatsiya*. Vol. 8. № 3.
- Hale** H.E. 2010. Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 1. № 1.
- Hanson** S.E. 2011. Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 636. № 1.
- Hedlund** S. 2006. Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian Service State // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. № 5.
- Hellman** J.S., Jones G., Kaufmann D. 2000. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition // *World Bank Policy Research Working Papers*. № 2444.
- Hemment** J. 2009. Soviet-style Neoliberalism? Nashi, Youth Voluntarism, and the Restructuring of Social Welfare in Russia // *Problems of Post-Communism*. Vol. 56. № 6.
- Henry** L.A. 2009. Redefining Citizenship in Russia: Political and Social Rights // *Problems of Post-Communism*. Vol. 56. № 6.
- Hughes** R. et al. 2014. *Russian Federation: Fiscal Transparency Evaluation*. — Washington.
- Jowitt** K. 1983. Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // *Europe-Asia Studies*. Vol. 35. № 3.
- Kotz** D., Weir F. 2007. *Russia's Path from Gorbachev to Putin: The Demise of the Soviet System and the New Russia*. — L., N.Y.
- Lachmann** R. 2011. Coda: American Patrimonialism. The Return of the Repressed // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 636. № 1.
- Peck** J. 2010. *Constructions of Neoliberal Reason*. — Oxford.
- Robinson** N. 2011. Russian Patrimonial Capitalism and the International Financial Crisis // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 27. № 3—4.
- Rutland** P. 2013. The Political Economy of Putin 3.0 // *Russian Analytical Digest*. № 133.
- Sakwa** R. 2015. Questioning Control and Contestation in Late Putinite Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. № 2.
- Shevtsova** L. 2013. *Russia XXI: The Logic of Suicide and Rebirth*. — Moscow.
- Springer** S. 2011. Articulated Neoliberalism: the Specificity of Patronage, Kleptocracy, and Violence in Cambodia's Neoliberalization // *Environment and Planning A*. Vol. 43. № 11.

Szelenyi I., Wilk K. 2010. Institutional Transformation in European Post-Communist Regimes // Morgan G. et al. (eds.) *The Oxford Handbook of Comparative Institutional Analysis*. — Oxford.

Taylor B.D. 2011. *State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*. — Cambridge.

Tompson W. 2008. Back to the Future? Thoughts on the Political Economy of Expanding State Ownership in Russia // *Cahiers Russie / Russia Papers*. № 6.

Wengle S., Rasell M. 2008. The Monetisation of L'goty: Changing Patterns of Welfare Politics and Provision in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. № 5.

Wolosky L.S. 2000. Putin's Plutocrat Problem // *Foreign Affairs*. Vol. 79. № 2.

Yakovlev A. 2006. The Evolution of Business: State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. № 7.

Yakovlev A. 2013. Russian Modernization: Between the Need for New Players and the Fear of Losing Control of Rent Sources // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 5. № 1.

Yorke A. 2014. *State-led Coercive Takeovers in Putin's Russia: Explaining the Underlying Motives and Ownership Outcomes*. — L.

References

Aris B. 2015. Russia Private Health Care Growing Rapidly // *Russia Insider*. 25.03 (<http://russia-insider.com/en/2015/03/25/4963>).

Baer W. 1972. Import Substitution and Industrialization in Latin America: Experiences and Interpretations // *Latin American Research Review*. Vol. 7. № 1.

Black B.S., Kraakman R., Tarassova A. 2000. Russian Privatization and Corporate Governance: What Went Wrong? // *Stanford Law Review*. Vol. 52.

Blank S. 2011. Russia's Geo-economic Future: The Security Implications of Russia's Political and Economic Structure // *The Journal of Slavic Military Studies*. Vol. 24. № 3.

Bovt G. 2015. Diskussii na temu majjskikh ukazov mezhdru ONF i pravitel'stvom napominajut legkijj trolling // *Kommersant*". 11.05 (<http://www.kommersant.ru/doc/2724322>).

Brown W. 2003. Neo-liberalism and the End of Liberal Democracy // *Theory and Event*. Vol. 7. № 1.

Cappelli O. 2008. Pre-modern State-building in Post-Soviet Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 24. № 4.

Cerny P.G. 2010. *Rethinking World Politics: A Theory of Transnational Neopluralism*. — N.Y.

Chernykh L. 2011. Profit or Politics? Understanding Renationalizations in Russia // *Journal of Corporate Finance*. Vol. 17. № 5.

- Clarke S.** 2007. *The Development of Capitalism in Russia*. — L.
- Collier S.J.** 2011. *Post-Soviet Social: Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. — Princeton, Oxford.
- Cook L.J.** 2007. *Postcommunist Welfare States: Reform Politics in Russia and Eastern Europe*. — Ithaca, L.
- Dmitriev M., Jurtaev A.** 2010. Strategija-2010: itogi realizacii 10 let spustja // *Ehkonomicheskaja politika*. № 3.
- Doklad Ehkspertnogo soveta pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii po realizacii ehffektivnogo kontrakta v zdravookhranenii.** 2014 (<http://open.gov.ru/upload/iblock/716/716745c7a9ad55a8470d6c534fae9a93.docx>).
- Dranishnikova M.** 2015. «Rostekh» poluchit krupnejshogo rossijskogo proizvoditelja vakcin // *Vedomosti*. 18.03 (<https://www.vedomosti.ru/business/articles/2015/03/18/rosteh-poluchit-krupneishego-rossiiskogo-proizvoditelya-vaktsin>).
- Dzarasov R.** 2013. *The Conundrum of Russian Capitalism: The Post-Soviet Economy in the World System*. — L.
- Evans P.B.** 1989. Predatory, Developmental, and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State // *Sociological Forum*. Vol. 4. № 4.
- Fisun A.** 2007. Postsovetskie neopatrimonial'nye rezhimy: genesis, osobennosti, tipologija // *Otechestvennye zapiski*. T. 6. № 39.
- Fortescue S.** 2006. *Russia's Oil Barons and Metal Magnates: Oligarchs and the State in Transition*. — L.
- Fourcade-Gourinchas M., Babb S.L.** 2002. The Rebirth of the Liberal Creed: Paths to Neoliberalism in Four Countries // *American Journal of Sociology*. Vol. 108. № 3.
- Ganev V.I.** 2001. The Dorian Gray Effect: Winners as State Breakers in Post-communism // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 34. № 1.
- Ganev V.I.** 2005. Post-communism as an Episode of State Building: A Reversed Tillyan Perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 38. № 4.
- Gowan P.** 1995. Neo-Liberal Theory and Practice for Eastern Europe // *New Left Review*. № 213.
- Graham T.E.** 2000. The Fate of the Russian State // *Demokratizatsiya*. Vol. 8. № 3.
- Guriev S.** 2013. *Novaja volna privatizacii v Rossii: Zapiska analiticheskogo centra Observo № 2* (http://obsfr.ru/uploads/media/130115_Policy_Paper_2_Gouriev_RU.pdf).
- Hale H.E.** 2010. Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 1. № 1.
- Hall S.** 2015. Bol'shoe shou pravogo povorota // *Otkrytaja levaja*. 19.06 (<http://openleft.ru/?p=6387>).
- Hanson S.E.** 2011. Plebiscitarian Patrimonialism in Putin's Russia: Legitimizing Authoritarianism in a Postideological Era // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 636. № 1.

- Hedlund S.** 2006. Vladimir the Great, Grand Prince of Muscovy: Resurrecting the Russian Service State // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. № 5.
- Hellman J.S., Jones G., Kaufmann D.** 2000. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption, and Influence in Transition // *World Bank Policy Research Working Papers*. № 2444.
- Hemment J.** 2009. Soviet-style Neoliberalism? Nashi, Youth Voluntarism, and the Restructuring of Social Welfare in Russia // *Problems of Post-Communism*. Vol. 56. № 6.
- Henry L.A.** 2009. Redefining Citizenship in Russia: Political and Social Rights // *Problems of Post-Communism*. Vol. 56. № 6.
- Hughes R. et al.** 2014. *Russian Federation: Fiscal Transparency Evaluation*. — Washington.
- Issledovanie «Romir»:** Rejting doverija social'nym institutam v Rossii v 2015 godu. 2015 // *Centr gumanitarnykh tekhnologijj*. 20.05 (<http://gtmarket.ru/news/2015/05/20/7162>).
- Ivanickaja N.** 2012. Igor' Sechin — volnerez privatizacii // *Forbes*. 6.02 (<http://www.forbes.ru/sobytiya-column/vlast/79061-pisma-balamuta>).
- Jakunin V.** 2013. O sportivnom sponsorstve // *Blog Vladimira Jakunina*. 25.12 (<http://v-yakunin.livejournal.com/79453.html>).
- Jowitt K.** 1983. Soviet Neotraditionalism: The Political Corruption of a Leninist Regime // *Europe-Asia Studies*. Vol. 35. № 3.
- Kljachko T.L., Mau V., Sinel'nikov-Murylev S.G.** 2010. O reforme bjudzhetnykh uchrezhdenijj // *Spravochnik rukovoditelja obrazovatel'nogo uchrezhdenija*. № 4.
- Kotz D., Weir F.** 2007. *Russia's Path from Gorbachev to Putin: The Demise of the Soviet System and the New Russia*. — L., N.Y.
- Kuvshinova O.** 2015. Vysshaja shkola ehkonomiki: 20 rossijskikh regionov fakticheski v defolte // *Vedomosti*. 19.05 (<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/05/19/vishshaya-shkola-ekonomiki-20-rossijskih-regionov-fakticheski-v-defolte>).
- Lachmann R.** 2011. Coda: American Patrimonialism. The Return of the Repressed // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 636. № 1.
- Lisin N.V., Rudnik B.L.** 2012. Reforma bjudzhetnogo sektora: problemy, riski, perspektivy // *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. № 2.
- Malysheva E., Zabavina Ju.** 2014. V moskovskikh bol'nicakh nachalis' sokrashhenija vrachejj i otdelenijj // *RBK*. 09.11 (<http://top.rbc.ru/retail/11/09/2014/948262.shtml>).
- O'Donnell G.** 1994. Delegativnaja demokratija // *Predely vlasti*. № 2—3.
- Pavlovsky G.** 2003. O negativnykh posledstvijakh «letnego nastuplenija» oppozicionnogo kursu prezidenta RF men'shinstva // *Novaja gazeta*. 11.09 (<http://2003.novayagazeta.ru/nomer/2003/67n/n67n-s00.shtml>).
- Peck J.** 2010. *Constructions of Neoliberal Reason*. — Oxford.

- Postuplenija** v federal'nyj bjudzhet ot privatizacii v 2010—2014 gg. sostavili lish' 21% pervonachal'nogo plana. 2015 // *Schetnaja palata RF*. 19.04 (http://www.ach.gov.ru/press_center/news/21066)
- Putin** V.V. 2012. O nashikh ehkonomicheskikh zadachakh // *Vedomosti*. 30.01 (http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah).
- Putin**: majskie ukazy — strategicheskie, ikh celej nado dostich'. 2015 // *RIA Novosti*. 28.04 (<http://ria.ru/politics/20150428/1061387909.html>).
- Radygin** A., Simachev Ju., Ehntov R. 2011. Gosudarstvo i razgosudarstvenenie: riski i ogranichenija «novoj privatizacionnoj politiki» // *Voprosy ehkonomiki*. № 9.
- Robinson** N. 2011. Russian Patrimonial Capitalism and the International Financial Crisis // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 27. № 3—4.
- Rogov** K. 2001. «Putinskoe bol'shinstvo», grimasa demokratii, ili Jubilejnaja dekonstrukcija Pavlovskogo // *Polit.ru*. 28.03 (<http://polit.ru/article/2001/03/28/479316/>).
- Rogov** K. 2010. O sovetnikakh i begemote // *Novaja gazeta*. 7.06 (<http://www.novayagazeta.ru/politics/3214.html>).
- Rutland** P. 2013. The Political Economy of Putin 3.0 // *Russian Analytical Digest*. № 133.
- Sakwa** R. 2015. Questioning Control and Contestation in Late Putinite Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. № 2.
- Shevtsova** L. 2013. *Russia XXI: The Logic of Suicide and Rebirth*. — Moscow.
- Springer** S. 2011. Articulated Neoliberalism: the Specificity of Patronage, Kleptocracy, and Violence in Cambodia's Neoliberalization // *Environment and Planning A*. Vol. 43. № 11.
- Stanovaja** T. 2015. Povestka «Prezident». Chem Putin zapolnit post-krymskij vakuum // *Slon.ru*. 28.04 (<https://slon.ru/posts/50994>).
- Strategija** razvitija RF do 2010 goda. 2000 // *Kommersant*". 12.05 (<http://www.kommersant.ru/documents/Strat1.htm>).
- Szelenyi** I., Wilk K. 2010. Institutional Transformation in European Post-Communist Regimes // Morgan G. et al. (eds.) *The Oxford Handbook of Comparative Institutional Analysis*. — Oxford.
- Taylor** B.D. 2011. *State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism*. — Cambridge.
- Tompson** W. 2008. Back to the Future? Thoughts on the Political Economy of Expanding State Ownership in Russia // *Cahiers Russie / Russia Papers*. № 6.
- Ukaz** prezidenta RF ot 07.05.2012 № 596 «O dolgosrochnoj gosudarstvennoj ehkonomicheskij politike». 2012a // *Rossijskaja gazeta*. 9.05 (<http://www.rg.ru/2012/05/09/gospolitika-dok.html>).
- Ukaz** prezidenta RF ot 07.05.2012 № 597 «O meroprijatijakh po realizacii gosudarstvennoj social'noj politiki». 2012b // *Rossijskaja gazeta*. 9.05 (<http://www.rg.ru/2012/05/09/soc-polit-dok.html>).

Volkov V. 2008. Goskorporacii: institucional'nyj ehksperiment // *Pro et Contra*. T. 12. № 5—6 (http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2008/5-6/ProEtContra_2008_5-6_06.pdf).

Wengle S., Rasell M. 2008. The Monetisation of L'goty: Changing Patterns of Welfare Politics and Provision in Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60. № 5.

Wolosky L.S. 2000. Putin's Plutocrat Problem // *Foreign Affairs*. Vol. 79. № 2.

Yakovlev A. 2006. The Evolution of Business: State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. № 7.

Yakovlev A. 2013. Russian Modernization: Between the Need for New Players and the Fear of Losing Control of Rent Sources // *Journal of Eurasian Studies*. Vol. 5. № 1.

Yorke A. 2014. *State-led Coercive Takeovers in Putin's Russia: Explaining the Underlying Motives and Ownership Outcomes.* — L.